

100 дней и 100 лет Антонио Гитераса

Antonio Guiteras: 100 años. Selección y coordinación de Ana Cairo. Santiago de Cuba, Editorial Oriente, 2007, 416 p.; Paco Ignacio Taibo II. Tony Guiteras. Un hombre *guapo* y otros personajes singulares de la revolución cubana de 1933. México, Editorial Planeta Mexicana, 2008, 455 p.

Антонио Гитерас: 100 лет. Составитель Ана Каиро. Сантьяго-де-Куба, 2007, 416 с.; Пако Игнасио Тайбо II. Тони Гитерас. *Guapo* и другие выдающиеся персонажи кубинской революции 1933 г. Мехико, 2008, 455 с.

В рецензии анализируются две книги, вышедшие к 200-летию лидера «Молодой Кубы» Антонио Гитераса, опубликованные в Мехико и Гаване. Написанные в разных жанрах эти работы — не просто биографии неординарной личности. Они позволяют лучше понять характер ярких, противоречивых событий 1933 г., осознать, какие этапы претерпело становление идеологии кубинской революции, революционного самосознания кубинцев, сделавшее возможным победу в 1959 г.

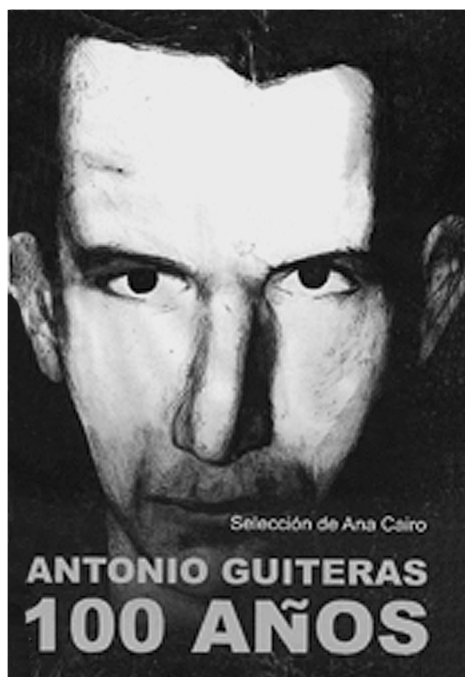
Ключевые слова: Антонио Гитерас, кубинская революция 1933 г., исследование, Коммунистическая партия Кубы, антиимпериализм, «якобинский социализм», «Правительство 100 дней», «Молодая Куба».

В испанском языке разных стран слово *guapo* имеет различные значения. На Кубе и в Венесуэле оно обозначает храбреца, бросившегося вперед, в Испании и Мексике — мужскую красоту. На побережье Колумбии оно — синоним термина «хороший человек», в Аргентине к кубинской версии добавляют словечко «сильный», «упорный». К Антонио Гитерасу, по мнению Пако Игнасио Тайбо II, применимы все эти определения (II, p. 12).

В новейшей истории Кубы есть несколько фигур, предопределивших характер, идеологию и направление развития революции. Во второй половине XX в. это — Фидель Кастро и Че Гевара, в 1920—1930 гг. — Хулио Антонио Мелья и Антонио Гитерас Холмс. Трое

из них прожили короткую жизнь, молнией сверкнув на небосклоне, и ушли в вечность, оставив в наследство яркие дела и неординарные идеи. Фиделю досталась роль лидера, воплотившего эти идеи в жизнь. Как бы ни относились современники и потомки к итогам его деятельности, никто не может отрицать, что революция 1959 г. превратила маленькую страну в государство, ставшее важным фактором международных отношений.

О Фиделе, Че и Мелье написаны десятки книг. Гитерас за пределами Кубы известен меньше, хотя, «персонаж, подобный ему, на таком континенте, как наш, борющемся за восстановление собственной истории, не заслуживает такой судьбы». Столетие «народного

министра» дало импульс для публикации одновременно двух исследований: Пако Игнасио Тайбо II в Мексике и Аны Каиро на Кубе.

Две книги — два жанра. Работа кубинского историка — это антология воспоминаний, документов и научных статей. Эту книгу очень непросто оценивать, потому что возникает трудно преодолимое желание ее цитировать. Мексиканский же журналист, автор детективов и нескольких исторических расследований* со свойственной ему артистичностью создал произведение, которое, по его собственному определению, могло бы быть романом, но стало нарративной историей. Это история нескольких замечательных персонажей, которых сам мексиканский исследователь несколько непривычно представляет читателю. Это не биография одного человека, это биография революции...

* Темы, поднимавшиеся в этих работах, — биографии Панчо Вильи, Че Гевары, испанско-мексиканского анархиста Себастьяна Сан-Висенте, а также деятельность коммунистической партии в Мексике.

Революционер, который, став министром внутренних дел, экспроприировал американские электрические компании (посредством декрета), установил уровень минимальной зарплаты и восьмичасовой рабочий день, попытался отобрать пантеоны у церкви и назначил первых женщин-алькальдов в Латинской Америке; ему нравилось фотографироваться вместе с двумя прекраснейшими женщинами, но он редко улыбался; он усаживался на полу в позе Будды и курил сигары; человек, бывший таким идеологическим пуристом, что у его друзей это вызывало любовь, а у недругов — холодок в спине. Человек, который прочел русскую революцию не в большевистской версии и смешал уроки Бакунина и Дуррути с логикой правых социал-демократов и опытом экспроприаторов Сталина и Камо (Антонио Гитерас).

Это также история американского посла, который хотел доминировать в чужой стране. Нью-йоркский либеральный демократ, он не смог отказаться от попыток спасти кровавого диктатора, от объединения с террористами, сахарными латифундистами, генералами-консерваторами и сержантами, готовыми к перевороту, потому что был человеком империи, и имперская логика владела им. Человек, перемещавший 30 военных кораблей с 200 орудиями, в то время как терял душу; человек, который, желая быть интеллигентным, владея средствами контроля и заговора, превратился в макиавеллиста (Бенджамен Самнер Уэллес).

Частью этой истории также стал сержант-стенографист, любивший читать и играть в лотерею, человек, за несколько часов вознесшийся до звания полковника; когда-то его не пускали в яхт-клуб Гаваны, утверждая, что в его жилах течет кровь китайца, индейца и негра; человек, обретший абсолютную власть во имя революции и запятнавший руки кровью (Фульхенсио Батиста).

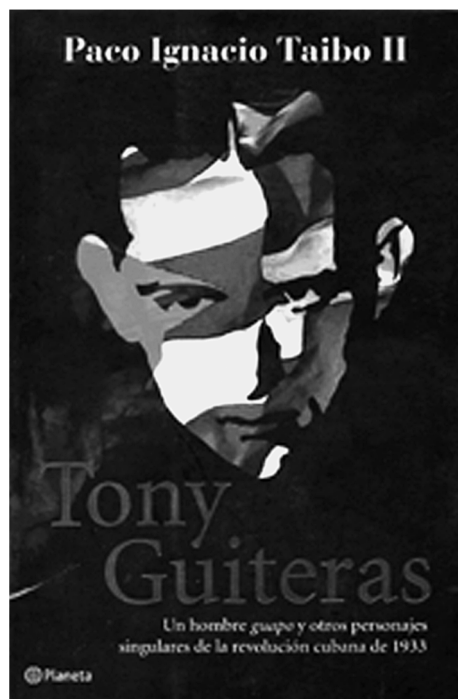
Молодой адвокат — коммунистический лидер. Захваченный сталинским сектантством, великий поэт в глубине души и в жизни, умерший преждевременно, сраженный туберкулезом.

Человек абсолютной преданности одному делу и принципиальности, руководивший группой героических и самоотверженных рабочих, владевших опасной правдой революции. Персонаж, оказавшийся на полпути между байроновской трагедией и социалистическим реализмом (Рубен Мартинес Вильена).

И еще десятки персонажей, участников многочисленных, как в калейдоскопе, сменяющих друг друга событий: президенты, писатели, журналисты, студенты-бомбисты, «диктатор в оспинах», которого называли «осел с когтями» (Херардо Мачадо); палач, превративший полицию Сантьяго-де-Куба в личное орудие роскоши и террора (Арсенио Ортис); венесуэлец, участвовавший во всех революциях (Карлос Апонте). Книга обходит стороной историю Хулио Антонио Мельи, однако он упоминается постоянно. Остается надеяться, что «долг перед великим человеком», который ощущает автор, реализуется в новой книге.

И так, биография за биографией, эпизод за эпизодом, как камешек за камешком, мексиканский исследователь выкладывает мозаику революции 1933 г., яркую и противоречивую картину событий, в значительной мере предопределивших развитие Кубы в XX в.

Работа Аны Каиро совершенно иная и по настрою, и по структуре. Формально она состоит из трех частей: Документы и воспоминания; Исследования; Хронология жизни Антонио Гитераса Холмса. Но есть и четвертая часть — комментарии составителя, существенно расширяющие представления читателя о короткой, но бурной, насыщенной событиями жизни революционера и о самой революции, соединяющие различные точки зрения. О Гитерасе рассказывают современники, его соратники и политические противники; в антологии о нем высказываются Фидель Кастро, «героический партизан» Эрнесто Че Гевара, лидер партии ортодоксов Эдуардо Чибас, министр иностранных дел революционного правительства Рауль Роа, знаменитые журналисты: эксперт по Латинской Америке американец Карлтон Билс, кубинец Энрике де ла Оса, директор реакционной газеты «Диарио да ла Марина» Хосе Игна-

насио Риверо, историк Эрминьо Портель Вилья и многие-многие другие. Его деятельность и взгляды анализируют ученые. Ана Каиро предоставляет слово и самому герою книги, приводя документы Директората университетских студентов 1927 г., Революционного союза и «Молодой Кубы».

Личность Гитераса завораживала. Его значимость для истории революции признавали и те, кто шел за ним или параллельным курсом революции, и те, кто противостоял революционному развитию Кубы. Видя тяжелые ошибки в действиях лидера «Молодой Кубы», журналист Пабло де ла Торрьенте Брау отмечал, что в его «увлекательной политической карьере есть блестящие страницы, благодаря которым историк спокойно может говорить правду, но есть и горечь гордого человека, оказавшегося на развилке ужасной дилеммы... Потому что революция была для него словно лихорадка, будоражившая воображение. И поэтому он ужасно бредил, у него были прекрасные фантазии и чудесные мечты, которые он не мог реализовать. Он был словно человек, который хочет осуществить только что увиденное во сне. ...Охваченный лихорадкой, он пытался

сделать все. И сделал больше, чем тысячи людей. И он обладал тайной верой в окончательную победу. Он излучал тепло. Он, словно магнит, притягивал людей, и люди чувствовали притяжение к нему. Он казался им таинственным, но ему нельзя было сопротивляться; эти молчаливые решения, это строгое воображение были подчинены одному — революции. У него были и недостатки. В день страшного суда он бы не получил прощения. Он был человеком революции. Он вовсе не был совершенным» (с. 89). Это оценка революционера, которого с Гитерасом разделяли серьезные политические разногласия.

Но и Фульхенсио Батиста, пытаясь снять с себя клеймо убийцы Гитераса, говорит о нем как о «своем друге по 1933 г., революционере и идеалисте, с более или менее радикальными идеями, которые я не разделял, но за которыми я всегда признавал честность целей и храбрость». И обвиняет, в свою очередь, «ненавидевшего Гитераса» президента Кубы периода «Ста дней» Рамона Грау, «своими эгоизмом и безответственностью побудившего его к этому отчаянному поступку, в результате которого в столкновении с силами охраны порядка погибли он и один из его товарищей...» (с. 114).

Важной составляющей антологии является тщательное исследование авторами роли идей и деятельности Гитераса как необходимого этапа в формировании революционного самосознания кубинцев, приведшего к победе революции в 1959 г. Журналист и историк, сотрудник Фонда «Новое латиноамериканское кино» Хулио Сесар Гуанче предлагает для определения системы взглядов Гитераса термин «якобинский социализм», целью которого является создание «новой Кубы», «молодой Кубы». Гитеристское течение сделало следующий шаг, продолжив путь Мельи, чтобы превратить революцию из мечты в объективную реальность. Идеология «якобинского социализма», по Гуанче, соединила «революционный национализм», блестяще сформулированный Хулио Антонио Мельей и отличавшийся от ортодоксальных идей, распространенных среди коммунистов в то время; «политический радикализм», отвергавшийся тогда

другими революционными силами; «экономический антиимпериализм»; идеал «революционной демократии», реализующейся посредством политических и экономических действий рабочего класса; идею «государственного социализма», обобщающую видение кубинского социализма (с. 259—263).

Исследователь Центра Хуана Маринельо Фернандо Мартинес Эредиа увидел в деятельности Гитераса, «самого верного последователя Хулио Антонио Мельи в истории социализма на Кубе», союз практического социализма и повстанческих идей, сохранившийся на протяжении всей его интенсивной политической жизни до 1935 г. Оба харизматических лидера революционного движения шли по одному пути — «яростного антиимпериализма, коммунистического идеала, вооруженного восстания, революционного фронта и обретения в борьбе права вести за собой [массы] на строительство социализма» (с. 199, 257).

Особо интересным выглядит то обстоятельство, что сразу несколько авторов (Ф. Мартинес Эредиа и его коллега по Центру Хуана Маринельо Каридад Масон) под разным углом рассматривают отношение к Гитерасу III Интернационала и его кубинской секции — КПК («первой марксистско-ленинской партии Кубы»). Тема влияния Коминтерна на революционное движение страны долгое время была «белым пятном» кубинской историографии. Она часто упоминалась, но практически не исследовалась. Исключением, пожалуй, была монография Лионеля Сото*, но и в ней автор, ветеран компартии, занимавший на момент публикации книги пост секретаря ЦК КПК, скорее только обозначил контуры темы, чем раскрыл ее.

Отношение к Гитерасу было прямым применением клише, доминировавшего в идеологии Коминтерна после его VI конгресса, принципа «класс против класса». Компартией он рассматривался как враг революции на протяжении всей его Дея-

* L.S o t o. La revolución del 33. T. 1—3. La Habana, 1979.

тельности в качестве министра и даже потом, после падения «правительства 100 дней». Его реальные дела — радикальная деятельность по борьбе с интервенционистским империализмом и внутренней реакцией, акции против американских монополий — в расчет не принимались. Все попытки Гитераса установить сотрудничество с партией и Национальной рабочей конфедерацией Кубы (CNOC) наталкивались на стену. Предложения создать вооруженные подразделения с участием коммунистов, предоставить членам КПК посты в полиции отвергались с порога. Предлагавшиеся Гитерасом переговоры о союзе не состоялись: исполнявший обязанности генсека КПК Исидро Фигероа просто не пришел на встречу с министром (с. 241). Сегодня очевидно, что объединение усилий гитеристов и компартии могло компенсировать урон, нанесенный «августовской ошибкой», когда КПК и CNOC не воспользовались успехом организованной ими всеобщей забастовки, приведшей к падению режима Маchado. Конечно, руководству компартии в круговерти революционных событий трудно было разобраться в противоречивых действиях правительства, «которое, разрабатывая социальное законодательство, расстреливало рабочие демонстрации, объявляло о правительственной синдикализации и обязательном государственном арбитраже, исключало молодых иностранцев из руководства профсоюзов, лишало сельскохозяйственных рабочих восьмичасового рабочего дня» (с. 281). Как отмечает Х.С.Гуанче, партия в этих условиях не могла принять программу Гитераса, но совершила тяжелую ошибку, характеризуя Гитераса как «предателя революции» и «фашиста», борясь с его правительством и с «френегатами Хунко и Вильяреалем» с той же силой, с которой Гитерас боролся с американским империализмом.

Но главным препятствием на пути к союзу стали не столько позиция самой партии, сколько действия делегации Карибского бюро Коминтерна, направлявшей после августа деятельность руководства партии и навязавшей ей сектантскую позицию. Таким образом, как свидетельствуют Ф.Мартинес Эредиа, Х.С.Гуанче и К.Масон, вместо курса на союз революци-

онных сил, предлагавшегося Гитерасом, и дававшего шанс удержать и развить успех августа 1933 г., был избран путь, ориентированный на создание «рабоче-крестьянского правительства», «советов». В результате КПК отрезала себе путь к взаимопониманию с партиями, возникшими в результате революции: «Молодой Кубой», Кубинской апристской партией и Кубинской Революционной партией (аутентистов). И только перемена общего курса Коминтерна, начавшаяся для латиноамериканских партий с Третьей конференции компартий Южной и Карибской Америки, а для всего коммунистического движения — с решений VII конгресса, принявшего стратегию «народного фронта», открыла путь к поиску политических компромиссов на Кубе.

Поиск альянса с «Молодой Кубой», как отмечается в антологии, «предполагал в большей степени необходимость расширения политического пространства, чем переоценку своей идеологии», и поэтому компартия пошла даже дальше, чем Гитерас. «Начиная с 1936 г., партия стала убирать из своего публичного дискурса — под эгидой доктрины «Широкого фронта против фашизма» — антиимпериалистические ремарки, добилаясь в 1938 г. признания партии де-юре, что означало переход в рабочей борьбе на почву «парламентаризма», и в итоге вступила на путь, который привел в 1944 г. к определению Батисты как «великолепного оплота кубинской демократии» (с. 283—284).

Обе книги, появившиеся в связи со 100-летним юбилеем Антонио Гитераса, позволили переосмыслить феномен революции 1933 г., а вместе с ним и весь исторический опыт кубинского революционного движения в XX в. Сделан важный шаг в комплексном исследовании подготовки и осуществления революции 1933 г. и последующих событий на Кубе, ставших важнейшим фактором в формировании нового расклада политических сил островного государства, который в свою очередь завершился в 1959 г. революцией во главе с Фиделем Кастро.

В.Л.ХЕЙФЕЦ, Л.С.ХЕЙФЕЦ
(ilaranspb@hotmail.com)